

18+

Дедовы сказы

сборник стихов казачьих поэтов

Евгений Меркулов

**Дедовы сказы. Сборник
стихов казачьих поэтов**

«Издательские решения»

Меркулов Е.

Дедовы сказы. Сборник стихов казачьих поэтов / Е. Меркулов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515115-5

В сборник «Дедовы сказы» вошли стихи потомственных казаков: Алексея Золотухина, Олега Кулебякина, Андрея Ляха, Евгения Меркулова, Константина Сазонова и Игоря Шептухина. Для оформления использованы работы художников Александра Мальникова и Юрия Щетинина. Книга ориентирована на молодых казачат, но будет полезна и другим читателям, интересующимся классическим и современным казачьим фольклором. Ответственный за выпуск Евгений Меркулов. В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

ISBN 978-5-00-515115-5

© Меркулов Е.
© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРОВ	7
АВТОРАМ СБОРНИКА «ДЕДОВЫ СКАЗЫ»	9
БЛАГОДАРНОСТЬ АВТОРСКОМУ КОЛЛЕКТИВУ СБОРНИКА «ДЕДОВЫ СКАЗЫ»	10
О СБОРНИКЕ «ДЕДОВЫ СКАЗЫ»	11
СПАСИБО ЗА СБОРНИК!	12
СБОРНИК СТИХОВ «ДЕДОВЫ СКАЗЫ»	13
АЛЕКСЕЙ ЗОЛОТУХИН	15
Аксютка и Чёрт	16
Казак и орёл	17
Кто такие казаки	18
Сокол и Змея	20
Казак и Чёрт	22
Про казака да мужика сказка, да про Каурку с Савраской	24
Казачья звонница	26
Степь да Дон	27
Два старика	28
Сказ про казака да Бабу-Ягу	30
Волчья сотня	32
Казачья сила	33
Казак и Смерть	34
Гнедой	36
Проводы казака	38
Разговор с внуком	39
Думки у костра	40
Куда уходят казаки?	41
Сказ про Петра Баклана	42
Казак и волк	44
Один в поле – воин!	45
Крайний наказ	46
Пошто Чёрт чёрен?	48
Дедов пряник	50
Казачьи слёзы	51
Казачье слово	52
Сказ о лебедице	53
Девичья молитва	55
Дончак	56
Сказ про казака Яшку, Дашку да шашку	57
Две души	59
Две встречи	61
Казачья воля	62
Божий Глас	63
Возвращение казака	64
Хмурым утром	66
Казарла	67
Казачья ладанка	68

Ты меня не бойся!	70
ОЛЕГ КУЛЕБЯКИН	71
Штык калёный	72
К себе ангелов Господь призывал	74
Эх, милый мой, а жизнь проходит...	75
Дедов рассказ	76
Шашка свистнула, лиходеечка	78
Снились нынче мне степи без края...	79
Вороной	80
Я поставлю двенадцать свечей	82
Васильки	83
Матери	84
Как по полю, всё по полю...	85
Брат, сверни закурить...	86
Родина	87
Эх, плесните чихиря в чапурочки червлёные	88
Подранок	89
Благодарствую я тебе, Господи	91
Порассеяны по-над Тереком	92
Мы две пули по-братски поймали с конём	93
Вновь свои узорчики в небе шьют шрапнели	94
Занималась зорька ранняяняя	95
Распогодилось поутру	97
Порассеяны по-над Тереком	98
Две души казачьи	99
Я приеду домой ровно в полдень	100
Билась заря по-над речкою быстрой	102
Разливалась реченька	103
Жаворонок	104
Разлетались вóроны	105
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Дедовы сказы

Сборник стихов казачьих поэтов

Авторы: Меркулов Евгений, Золотухин Алексей, Кулебякин Олег, Лях Андрей, Сазонов Константин, Шептухин Игорь

© Евгений Меркулов, 2020

© Алексей Золотухин, 2020

© Олег Кулебякин, 2020

© Андрей Лях, 2020

© Константин Сазонов, 2020

© Игорь Шептухин, 2020

ISBN 978-5-0051-5115-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРОВ

В сборник стихов «Дедовы сказы» вошли казачьи байки, легенды, сказки, предания, анекдоты, притчи, переложенные в стихотворную форму потомственными казаками: Алексеем Золотухиным, Олегом Кулебякиным, Андреем Ляхом, Евгением Меркуловым, Константином Сазоновым и Игорем Шептухиным. Книга ориентирована, в первую очередь, на молодых казачат, но будет полезна и другим читателям, интересующимся классическим и современным казачьим фольклором. Многие стихи построены в форме рассказа мудрого деда своим внукам.

Хочется отметить ещё одну особенность этого сборника. Во многих стихах в той или иной мере используются языковые элементы различных казачьих говоров – гутора, балачки и т. п. Читатель сможет почувствовать красоту языка донцов, кубанцов, гребенцов, терцев.

Авторский коллектив искренне благодарит художников Александра Мальникова и Юрия Щетинина, разрешивших использовать свои работы для оформления сборника.

Приятного прочтения!

Коллектив авторов

АВТОРАМ СБОРНИКА «ДЕДОВЫ СКАЗЫ»

Литературный архипелаг сказов, из которых состоит данный сборник, включает в себя множество повествовательных смыслов и слоёв. Это и практический жизненный опыт, и рассказы об исторических событиях, и журналистика, которая в отличие от классической газеты, живущей один день, лишь обновляется, будучи каждый раз пересказываемой нарождающимся поколениям.

Это сборник, который разговаривает с читателем настоящим, живым языком, который – не заставляет – но даёт возможность улыбнуться и грустить, рассмеяться и задуматься. Это очень современный сборник, потому что при помощи авторов он обращается к нынешним и будущим читателям голосами тех, кого уже нет. И потому, что его появление в наши – ох, непростые дни – является нужным и весьма своевременным. Ещё одно звено в бесконечной цепи, протянутой из былых дней в будущее тех, кто только учится складывать буквы в слова и тех, кому эти сказы будут читать вслух старшие.

Читая сборник, листая его страницы, переходя от строки к строке, пробуя их на вкус и повторяя за авторами вслух, начинаешь понимать, что необходим следующий шаг, следующее важное и нужное дело. Труд таких же убеждённых и талантливых авторов, могущих написать музыку достойную того, чтобы положить на неё слова Алексея Золотухина, Олега Кулебякина, Андрея Ляха, Евгения Меркулова, Константина Сазонова и Игоря Шептухина. Чтобы слово и мелодия казачьих дедовых сказов звучали гармонией и дальше, многие годы и поколения.

А пока – поклон авторам и радости читателям!

С благодарностью,

Тимур Шафир,

Секретарь Союза журналистов России,

Вице-Президент Международной Федерации Журналистов

БЛАГОДАРНОСТЬ АВТОРСКОМУ КОЛЛЕКТИВУ СБОРНИКА «ДЕДОВЫ СКАЗЫ»

Хочу выразить благодарность авторскому коллективу сборника «Дедовы сказы».

Мимо этой книги трудно будет пройти. Искренность в каждом слове, знание темы, любовь и уважение к истории казачества сделали этот сборник не просто интересным, но и полезным всем поколениям. Эта книга предназначена не только маленьким казачатам, где в каждой строке звучит наказ молодым – «помни предков наших славу», призыв быть почтительным «к былой казачьей славе ратной, к величью дедовских побед». В сборнике каждый найдёт что-то своё, кто-то вспомнит своё детство, родные станицы, своих дедов и прадедов, их рассказы – «стариков седых повествовань», вспомнит родной край – «поросли камышом и осокой донские лиманы».

Почему так тонко и душевно описаны сцены из жизни казаков? Да потому что писали потомственные казаки, и не по рассказам и книгам других авторов они изучали материал, а сами жили в этой среде и были её неотъемлемой частью. А использование гутора и балачки, для кого-то с детства родной речи, это как глоток свежего воздуха с далёких бескрайних степей. В стихах представлены и яркие исторические образы казаков «бьют зарницы над Волгой-Матушкой – Разин с Войском в поход идет!», и сцены из их боевых походов. Показано отношение казаков к смерти – «...казак в бою всегда готов на смерть», к православию – «за Русь, за веру в бой идти, за православные святыни!» Очень трогательно описано отношение казака к верному другу – «ах, ты ж мой вороной, ненаглядный», «глажу холку твою шелковистую, я от счастья сейчас запою!». Есть посвящение женам казачьим – «прежде, чем тронуть казацкую жинку – припомни „наурские щи“!».

Авторы всем своим творчеством призывают современных казаков верному служению родному Отечеству:

Прими, Россия-Мать, с поклоном
Наш опыт, мужество и честь.
Чтоб постоять, за честь и волю,
В клинках казачьих сила есть!

*Н. Л. Дьяконов,
Верховный атаман
Общероссийской общественной организации
по развитию казачества
«Союз Казаков-Воинов России и Зарубежья»*

О СБОРНИКЕ «ДЕДОВЫ СКАЗЫ»

Поэзия выказывает сокровенное желание народа относительно своего существования во времени и пространстве. Она говорит о прошлом и будущем, она смотрит на настоящее и тем самым творит непреходящее, вечное и ценное, созидающее основание человека. В поэзии видится живительный родник, сохраняющий самосознание народа, не дающий развеяться по всему широкому и безграничному пространству окружающего нас мира. В этом отношении появление на свет сборника современной казачьей поэзии своевременно и актуально.

С давних пор среди казаков были поэты-сказители. Они слагали песни о древних батирах-великанах погоняющих Индрика-зверя по бескрайним степным просторам; они играли песни о споре Сокола и Коня, о далеких морских походах, о героях ходивших в удачливые набеги, о Ермаке и Краснощекове, о Разине, о Мингале, о Козине и об Инжире и многих других славных наездниках и гулебщиках, а позже об атаманах, полковниках и генералах... Наследие этих сказителей богатырских песен в полной мере передалось казакам-поэтам в представленном сборнике.

Мотивы старинных и современных легенд и преданий, сюжеты истории и личных переживаний легли в основу представленных в сборник стихотворений. Его название «Дедовы сказы» указывает на характерную для казачьей культуры черту завещательности, многие произведения построены как заветы стариков своим внукам, которые будут ходить по следам своих дедушек, опираясь на их опыт, советы, воспоминания. Стихотворения авторов сборника довольно разные по форме, но зачастую они говорят об одном и том же. Авторы обращаются к традиционным сюжетам казачьего фольклора, центральной темой которого выступает конь («Гнедой», «Казачьи слезы», «Дончак» (Алексей Золотухин), «Мы две пули по-братски поймали с конем» (Олег Кулебякин)), оружие («Шашка свистнула, лиходеечка» Олег Кулебякин, «Сверкающий клинок казачий» Андрей Лях), проводы и возвращение из похода («Проводы» Евгений Меркулов, «С возвращением!» Игорь Шептухин), обычаи и обряды казаков («Конь» Олег Кулебякин, «Вербное Воскресение», Косовица-Троица», «На Спаса» Андрей Лях). Интересной чертой проходит современная казачья мифология с различными фольклорно-сказочными сюжетами народного и литературного происхождения («Казак и черт», «Казак и орел», «Казак и баба-Яга» Алексей Золотухин, «Подранок» Олег Кулебякин, цикл стихов-легенд Евгения Меркулова). Не обошли казачьи поэты и героев исторических преданий казаков, авторы обращаются к событиям Азовского сидения, походам Ермака, войне Пугачева, Разину, Бакланову, Игнату Некрасову, Кондрату Булавину. Отдельной темой проходит любовь к отеческому дому, родной степи, матери, памяти об отце, деде, что затрагивает глубинные чувства любви к малой родине, к своему происхождению и своим корням.

Украшенная замечательными иллюстрациями Александра Мальникова и Юрия Щетина, книга будет тепло встречена в казачьих семьях, не только среди взрослых казаков, но и малых казачат. Она также послужит прекрасным дополнением на уроках литературы, русского языка, истории в школах и училищах имеющих статус казачий.

*А. В. Яровой,
Доктор философских наук, доцент,
Руководитель Федерации казачьей
воинской культуры «Задоница»*

СПАСИБО ЗА СБОРНИК!

Прочитал прекрасный сборник стихов современных казачьих поэтов «Дедовы сказы».

Очень важное и нужное дело сделано этими подвижниками! Ведь за стремительным течением современной жизни и наступающим на всё прогрессом, история, традиции, фольклор нашей малой родины – мест традиционного проживания казаков, постепенно забываются, замыливаются, а иногда даже искусственно заменяются придуманным новоделом, который впитывает наша молодёжь. И тем ценно, что все авторы сборника, люди все уже довольно зрелые, успели застать в живых и впитать в себя то культурное казачье наследие, которое им передали их деды и бабушки, тот образ мышления, поведения и повествования, которым отличался казак, независимо от принадлежности к тому или иному казачьему войску.

Эти стихи не просто сказки, истории, притчи, байки или анекдоты. Они – часть казачьей жизни, состояние казачьей души. И если наши дети впитают в себя часть этой постепенно уходящей в небытие культуры наших предков, то и своим детям они что-то, да передадут. И когда маленький мальчик или девочка через пятьдесят или сто лет будут гордо говорить «я казак» или «я казачка», то это и будет той связью поколений, камень в фундамент которой заложили авторы этого сборника.

*Новиков Николай Леонидович.
Историк, создатель коллекции музея
«Донская казачья гвардия»
(г. Ростов-на-Дону).*

СБОРНИК СТИХОВ «ДЕДОВЫ СКАЗЫ»

В юности, мы все зачитывались «Тихим доном», и «Донскими рассказами» Михаила Шолохова, повестью Льва Толстого «Казачья».

История казачества давно уже стала неотделима от истории России и несмотря на то, что сейчас кое-кто называет казаков ряженым войском, отдельное злопыхание никак не умаляет великой казачьей славы.

В сборник вошли казачьи истории, байки, легенды, сказки, предания, притчи, переложенные в стихотворную форму потомственными казаками, весьма известными и уважаемыми в казачьем мире: Алексеем Золотухиным, Олегом Кулебякиным, Андреем Ляхом, Евгением Меркуловым, Константином Сазоновым и Игорем Шептухиным.

Срок пришел, пора на службу.
Проводили казаков.
Дома ждет Аксютка мужа.
Жизненный уклад таков.

Вот так, просто и незатейливо начинается стих Алексея Золотухина, и ты понимаешь, что от этого сборника уже не оторваться. Верешь автору и его герою с первой строчки до последней. Понимаешь: это настоящая литература, которая является отражением настоящей жизни. Живёшь пронзительной историей прощания атамана со своим каурым коником. Или байкой старого казака, которую он рассказывает своему внуку, о волке, отгрызшем лапу ради желанной воли. Типичной в общем-то историей из жизни наших предков.

А дальше следует новое открытие, Олег Кулебякин.

Снились нынче мне степи без края,
Там волною ковыль на ветру,
И с востока, лучами играя,
В небе солнце встаёт поутру.

Чтобы написать такие глубинные по содержанию и смыслу строки, нужен не только писательский талант, но и душевная чуткость художника, лиричность поэта, нежность музыканта и конечно же искренняя любовь к своему краю и своему народу.

Последнее условие видно невооружённым взглядом. Все авторы: Алексей Золотухин, Олег Кулебякин, Андрей Лях, Евгений Меркулов, Константин Сазонов, Игорь Шептухин, любят свой Тихий Дон, Могучую Кубань, Быстрый Терек и казачью степь, как любят сыновья своих отца и мать.

Любовь к «малой» родине – родникам, траве, земле, по которым ты в детстве бегал босиком, это высшая степень патриотизма.

Но отдельно хочу остановиться на творчестве моего старинного друга Евгения Меркулова. Его не зря называют певцом казачества, ибо в своих стихах и песнях он воспекает подвиги, быт и уклад донского казачества. А все его образы и герои подкупают читателя цельностью природы, естественностью и точностью.

Рефреном, жизнеутверждающим гимном казачьей жизни звучат строки, которые мы читаем у Игоря Шептухина в «Сказе старого казака»: «И народятся вновь сыны казацкие, гуга-гуга-гуга-гуга по-нашему зачнут. Зачнут опять носить штаны с лампасами, чубами непокорными тряхнув. Пугать врагов косматыми папахами, купая их с кубанками в ветрах, идти всегда туда, где смерть без страха».

Авторам сборника удалось воссоздать непередаваемый колорит казачьей жизни, оживить картинки прошлого, восстановить ход прошлых событий. Низкий поклон казачьим писателям и казакам за эту жизнеутверждающую книгу.

Я обязательно буду читать её своим внукам.

И конечно же отдельное спасибо художникам Александру Мальникову и Юрию Щетинину за живое и талантливое иллюстрирование сборника.

Сергей Герман.

Член Союза писателей России

г. Бонн (Германия)

АЛЕКСЕЙ ЗОЛОТУХИН

Аксютка и Чёрт (пошто у Чёрта нос пятаком)

Срок пришел, пора на службу.
Проводили казаков.
Дома ждет Аксютка мужа.
Жизненный уклад таков.

Коли так угодно Богу,
Разберемся, что и как.
У казачки дела много,
Коль в поход ушел казак.

В курене без мужа плохо.
Все теперь в руках жены.
И прослышал Чёрт-пройдоха,
Что Аксинья без Козьмы.

Подкатил, охальник, к базу.
Мол, давно в пути, устал.
А сам так и косит глазом,
Да подмазываться стал.

Он и справа, он и слева,
Но Аксинья, как кремень:
«Гэть отсель, покуда целый,
Растудыт через плетень!»

Вот придет Козьма с похода,
Вразумит тебя зараз!
А, покуда, сковородкой
Получи промежду глаз!»

И, от ласки сей, казачьей
Чёрт до нынешней поры
Ходит с пятаком свинячьим
После той сковороды!

Ну, а коль Козьму он встретит,
Превратит ему казак,
Хучь поверьте, хучь не верьте,
Все мурло в сплошной пятак!

Казак и орёл

Было дело может так,
Может, и иначе.
Пулю в грудь словил казак.
Помирал казаче.

Время к ночи подошло
Сумерки спустились
Пролетал над ним орёл,
Взгляды их скрестились.

Тяжко было для души
Расставаться с телом.
И орёл, в ночной тиши
Разглядел, в чем дело.

Покружил над казаком.
Быль то, али небыль.
Душу подхватил крылом
И вознес на небо.

«Ты помог мне, как же так?
Чем я тя приветил?»
Спрашивал орла казак.
И орёл ответил:

«Сходство промеж нами, брат.
Мы же побратимы.
У меня казачий взгляд,
У тебя – орлиный!»

Кто такие казаки

Расскажу тебе, унучек,
Хучь болтать мне не с руки,
Кто такой Народ могучий,
Кто такие казаки.

Коли, братко, ты казак,
Бог тобою править.
А, коль думаешь не так,
Не об чем гутарить!

Знай, что, коли ты – казаче,
Про Христа не забывай.
А, коль думаешь иначе,
Не казак ты, так и знай!

Коли, братко, ты казак,
Бог тобою править.
А, коль думаешь не так,
Не об чем гутарить!

Хучь отчаян ты без меры,
Хучь в любые двери вхож,
Но, без Православной Веры
Никуда ты, брат, не гож!

Коли, братко, ты казак,
Бог тобою править.
А, коль думаешь не так,
Не об чем гутарить!

Хучь ты казаком родился,
Шашкой крутишь так и сяк,
Даже в справу нарядился,
То не факт, что ты казак!

Коли, братко, ты казак,
Бог тобою править.
А, коль думаешь не так,
Не об чем гутарить!

Мало казаком родиться,
Нужно им ещё и стать,
Сердцем ко Христу стремиться,
Веру нать в душе имать!

Коли, братко, ты казак,
Бог тобою править.
А, коль думаешь не так,
Не об чем гутарить!

Сокол и Змея

Ну, унучек, хватить бегать.
Всё бы прыгать да скакать,
Посиди-т ка возле деда.
Сказку, говоришь, сказать?

Ладно, унучёк, потешу.
Побрехушку слышал я,
Правду-ль бають, али брешуть...
К Соколу пришла Змея

И ведёт такую «песню»:
«Помоги ты мне, браток
Землю нашу с поднебесья
Увидать мне, хучь разок.»

Сокол молвил ей: «Ну ладно,
Ведь летать тебе не в мочь,
Мне же энто не накладно,
Отчего бы не помочь.»

Взял Змею, ввысь устремился,
Над землёю воспаря,
Всей душою с небом слился.
И подумала Змея:

«Мне не жить под облаками.»
И, от зависти ярясь,
Ядовитыми зубами
В шею Соколу впилась.

С облаков на землю павши,
Сокол так сказал Змее:
«Прежде, чем помру, излажу
Памятку твоей родне».

Сокол крепкими когтями
Разодрал язык у ей,
Чтобы все теперь видали
Признак подлости у змей.

Подлый знак – язык змеиный,
С тех времён и до сих пор,
Память мести соколиной
Каждой гадине в укор.

Коль снаружи – совесть гложеть,
А во рту – язык печётъ.
Хочет спрятать, да не может,
Так наружу и суётъ.

Ежли зависть тебя пучить,
Пропадешь от ей зараз,
Ты запомни то, унучек,
Зависть – энто не про нас.

Казак и Чёрт

Сядь поближе, постреленок,
Погоди озоровать,
Да послухай побасёнку,
А, быть может, былъ. Как знать?...

Сон вчерась такой мне снился:
Жил казак, да не тужил,
Токмо, Чёрт к яму явился.
Видно, где-то согрешил.

Всё, казаче, собирайся,
Заберу тебя с собой,
Да на Бога не ссылайся,
Ты теперя, братец, мой.

Призадумался казаче:
Нешто к Чёрту на постой?
Как тут быть? А энто значить —
Надоть шевелить мозгой.

На смекалку лишь надежда.
И ответил, не спеша:
Буду я твоим, но прежде
Задом задави ежа.

Ладноть. – Чёрт в ответ гуторить.
Будь по твоему... Постой!
Ты такой же трюк повторишь,
Будеть уговор такой.

Говорить станишник Бесу:
Уговора нет верней.
Принесу ежа из лесу,
Ты ж горилочки испей.

И казак, таким манером,
Пока Чёрт горилку пил,
В шаровары, между делом,
Сковородку подложил.

На скамью ежа положил,
Да уселся на яво
И сидить с довольной рожей,
Знай, мол наших, Чёрт хромой!

На ежа сел Чёрт облезлый,
Токмо, утерпеть не смог,
Так и взвился он, болезный,
Да башкой об потолок.

Позабыл моментом, значить,
Обо всём на свете Чёрт.
Как тут казаку нагадить,
Коли задницу печёт?

Так рванул лукавый с базу,
И схотел бы, не догнал.
А казак, с хитрющим глазом,
Так яму во след сказал:

Хучь бессмертен ты, а всё же,
Бесполезная ты вша!
Даже задавить не можешь
Голой задницей ежа!

Вот, унучек, энто значить,
Как там жисть не повернёт,
Со смекалкою казачьей
Никакой не страшен Чёрт!

Про казака да мужика сказка, да про Каурку с Савраской

Где носился, пострелёнок?
Всё бы те озоровать.
С дедом посиди, кутёнок,
Будем сказку вспоминать.

Слухай, не болтай ногами.
Вот, брехать я не привык.
Как-то по степи верхами
Шли станишник да мужик.

Быль же энто, али сказка,
Я не ведаю об том...
Был у мужика саврасый,
А каурый – с казаком.

Долго ль ехали, аль близко,
Не скажу, коль не совру.
Токмо вот, на лихоимцев
Натолкнулись ввечеру.

За винтарь казак схватился,
По врагу огонь открыл,
А мужик в траву скатился,
Голову руками скрыл.

Получив отпор достойный,
Злыдни повертали взад,
Ведь казак одной обоймой
Пятерых отправил в ад.

И глядит мужик понуро,
Он такого и не ждал,
Рядом с казаком каурый,
А саврасый убежал.

Разреши вопрос мой, друже —
Казаку мужик сказал:
Чем же мой саврасый хуже,
И пошто он убежал?

Али я яво не холил,
Я ль яво не опекал,
Отчаво ж Савраска ноне
Выручать меня не стал?

Отчаво каурый служить
Верой-правдой для тебя?
От такой слуга мне нужен,
Ты продай, казак, коня.

А станишник осердился,
Да ответил мужику:
Коли ты слугой родился,
Ищешь и в коне слугу!

За такое предложенье
Видить Бог, аль зарублю,
Аль пройдуь по морде плетью!
Я друзей не продаю!

Ты, мужик, коня обидел,
Ты слугой яво считал.
Друга он в тебе не видел,
Потому и убежал.

Не слуга, а друг мне нужен,
Друг дороже во сто крат!
Мой Каурка мне не служить,
Потому как он – мой брат!

Вот, милоч, тоби наука.
Как там жисть не повернёть,
Не слугу ищи, а друга,
Друг в беде не подведёт!

Казачья звонница

Стариков седых повествованье
Почему-то вспомнилось мне.
Как-то казаки, в походе дальнем
Заскучали в дальней стороне.

Далеко до Батюшки до Дону,
Церквы наши тоже далеки.
По родному сердцу перезвону
Дюже заскучали казаки.

Был средь них старик, седой и мудрый.
Взял он шашки, да за темляки,
Словно струны у своей бандуры,
На ветвях развесил те клинки.

Из своо пистоля шомпол вынул,
Словно бы смычѣк взял, и, слегка,
Казаков-братов к себе окликнув,
Шомполом коснулся до клинка.

Полетел звук чистый, серебряный
И понёсся ввысь, поверх голов,
Словно дух степи родной, духмяный,
Звон клинка, как звон колоколов.

И стояли, распахнувши души,
Вспоминали дом родимый, Дон.
Каждый, затаив дыханье, слушал
Этот милый сердцу перезвон.

И, тоска-зануда отпустила,
Словно Дон увидеть довелось,
Налились тела могучей силой,
Вновь на сердце чисто и светло.

Знают с давних пор – во время битвы
Ворогу не устоять никак,
Потому как, опосля молитвы,
С лёгким сердцем в бой идѣт казак.

Степь да Дон

Сядь, унучек, деда слухай,
Да погодь ты, не елось,
Слухай дедову науку,
Как по жизни повелось.

Степь да Дон – Отчизна наша.
Погляди вокруг, милоч,
Не найдешь землицы краше,
Чем родимый уголок!

Как Распятье, в небе реет
Сокол – братка казака,
Солнце души наши греет,
Как клинок, блестит река.

Ты гляди, да помни, милай.
Энту красоту степей,
Этот лик Земли родимой
Сохрани в душе своей.

Степь родная, Дон могучий
Энто – наш казачий край.
Помни накрепко, унучек,
На земле есть тоже Рай!

Где бы ты ни находилси,
Наша степь да Дон-река,
Та земля, где ты родилси —
Рай земной для казака!

Ты – хозяин здесь по праву,
И, как Отче Наш, браток,
Помни предков наших славу,
Береги её, милоч!

Коли рядом с дедом внуки,
Как ведётся испокон,
Внемлють дедову науку,
Будет жить казачий Дон!

Два старика

Что затих, унучек-непоседа?
Чтой-то перестал озоровать,
Чтой-то примостилси возле деда,
Верно, сказку хочешь услышать?

Ладно, слухай, энто мне не в тягость,
А тоби наука наперёд,
Что, дай Бог, пойдёт тоби на благо,
Как там дале жизнь повернёт...

Слышал как-то от людей я, милай,
Старый воин возле куреня,
Ласково поглаживая гриву,
Старого выгуливал коня.

Хучь жилось яму в то время туго,
Всё же не бросал коня казак.
И спросил у казака муругий:
Растолкуй мне, братец, что да как.

Услышать хочу ответ достойный,
Ты мне вот что Расскажи, казак,
Что ж не свёл меня на скотобойню,
Что ж ты возишся со мною так?

Что ж, хороший мой, я так отвечу:
Как бы там не повернула жисть,
Путь земной для нас с тобой не вечен,
Токмо, до конца нам вместе быть.

Не сочтёшь, сколь раз ты, мой муругий,
Выносил меня из под огня.
Кабы не имел такого друга,
И в живых бы не было меня.

Столько бед с тобой перенесли мы,
Что не пожелаешь и врагу.
Ты всегда со мной был рядом, милай,
Нешто бросить я тоби смогу?

И Господь, услышав энти речи,
Ниспослал обоим благодать:
Две души, коня и человечью,
В день один решил к себе призвать.

Вот таков мой будет сказ, родимай,
Сей завет не мой, а от Творца,
Как бы жисть тоби не закрутила,
С другом оставайси до конца!

Сказ про казака да Бабу-Ягу

Щас, милоч, тоби потешу.
Я слышал рассказ такой,
Правда ль то, а, может брешуть...
Встретилси казак с Ягой.

Зашипела, лихоманка,
Так тоби мол, и растак,
Зубы скалить, бусурманка,
Зараз съем тоби, казак!

А станишник ей гуторить:
Погоди, душа моя.
Чтой-то, на твоём подворье
Больно много бодыля,

Вон, избушка покосилась,
Тын – чихни, и упадётся,
Ступа вся поизносила,
Скачет задом наперёд.

Не успела бабка ахнуть,
А казак уж весь в трудах.
Дело ладиться исправно,
Спориться, горить в руках.

Стала ладною избушка,
Курьи ножки в пляс пошли,
Ждут на столике старушку
Каша, щи да калачи.

У Яги отвисла челюсть
Глядячи на те дела,
И глазам своим не верить,
Будто здесь и не жила.

И тогда, глядите сами,
Носом хлопнула Яга,
Бегуть слёзы ручейками
По морщинистым щекам.

Ты скажи, станишник милай,
Как тоби благодарить?
Оставайся, бабка, с миром,
Да худо не твори!

С малых лет меня учили
Бабка, дед, отец да мать,
Что бы там ни говорили,
Старость надоть почитать.

Ежли, прежде лиходейкой
Была старая карга,
То теперь уж не злодейка.
Стала – Бабушка Яга.

Помни то, моя отрада,
В жисти всяко может быть,
Ведь не токмо можно, надоть
Души добротой лечить!

Волчья сотня

Чтой-то хочешь, унучок, смекаю,
Чтой-то больно ласковой опять,
Погоди, милоч, щас угадаю...
Знамо дело, сказку рассказать.

Расскажу, милоч, тоби преданье.
Помню, как-то я в лесу видал:
Лапа волчия торчить в капкане,
Ну а зверя нету. Убежал.

Пропадёт без лапы он, конешно.
Токмо, надобно одно понять:
Не могёт без воли он, сердешнай,
Вольному не страшно смерть принять!

Вот ты и кумекай, пострелёнок,
Для того я и веду свой сказ.
Заруби себе ещё с пелёнок —
Жисть без Воли – энто не про нас!

На Дону, Яике ли, Кубани,
В Терских землях, али на Сечи
Плену смерть в бою предпочитали
Кзаки. То крепко заучи.

За родной Присуд стеной стояли,
Не давали спуску никому,
Шапок отродяся не ломали,
Поклонялись Богу одному!

Соколом летить молва людская
С давешних времён и до сих пор:
Волчей Сотней слыть – то честь большая.
Зваться Волком – энто не в укор.

Токмо лишь сынов своей Отчизны,
Тех, кто славу предков берегуть,
Тех, кто ценить Волю больше жизни
Волчьей Сотней люди назовуть!

Казачья сила

Эге, милок, гляжу – ты с «орденами».
Подралси, да в сопатку получил?
Сидишь таперь, да булькаешь соплями...
А что, на сдачу не достало сил?

Ты сопли подотри, да деда слухай.
Я в юности, бывали времена,
Нередко, после доброй оплеухи,
Носил и не такие «ордена».

Не раз случалось получать по морде
Да из под носу юшку утирать.
Да токмо, милай, энто не зазорно.
Зазорно к деду жалиться бежать!

Соперник твой сильнее оказалси?
На энто так скажу тоби, дружок:
Чтоб боле он к тоби не задиралси
Ты нос утри, да возверни должок!

Ты вспомни-ка, милок, о наших предках.
Не каждый раз мы побеждать могли,
Терпели поражения нередко.
Да токмо, возвертали мы долги!

Не раз смерть с казаком ходила рядом,
Но жив казачий род, силён да смел!
Не тот силён, унучек, кто не падал,
А тот лишь, кто, упавши, встать сумел!

Казак и Смерть

Ты что же не находишь себе места?
Что, пострелёныш, хочешь ты узнать?
Ну что ж, для казака вопрос уместный.
Знать хочешь, милай, страшно ль помирать?

Не всё у казака по жисти гладко,
Ведь жисть прожить – не поле перейтить.
Бывает и такое в жисти, братко —
Безносую встречаешь на пути.

Не знаю, правда-ль то, а может, брешуть,
Да старики рассказывают так.
Вот и тоби, милок, сичас потешу:
Лежал в степи пораненый казак.

Кровили раны, уходили силы,
Уж и в глазах яво сгустился мрак.
И, Смерть с косою тады к яму явилась,
Мол всё, пришла твоя пора, казак.

Да токмо, заглянув в глаза казачьи,
Смерть не смогла косою своею махнуть.
Нет страха в казаке, он глаз не прячеть.
И Смерть решила чуть передохнуть.

Спросила Смерть: «Скажи ка мне, казаче,
Меня смутил твой взор, да как же так?
Скажи казак мне, что всё энтэ значить?
В чём дело?» «И ответил ей казак:

«Не сиживал подолгу я в станице,
Вся жисть моя в походах да боях.
Я столько раз глядел в твои глазницы,
Твой лик давно привычен для меня.

Не привыкать мне с супостатом биться.
Врагов не мало, всех не перечесть,
Допреж, чем к своим предкам воротиться,

В моих глазах свою видали смерть!»

В яво глазах себя Смерть увидала.
И я, родимай, так тоби скажу,
Смерть отошла, да тихо прошептала:
«Пожалуй, я с визитом погожу!»

Запомни то, унучек, пригодиться,
Ведь ты – казак, хучь и малой пока.
Казак, унучек, Смерти не страшиться,
То Смерть пуцай страшиться казака!

Гнедой

Хватить егозить, унучек,
Рядом посиди пока.
Вспомнилси один мне случай
Про коня да казака.

Возвратилися в станицу
Казаки с чужой дали,
На родимую землицу
Есаула привезли.

К смерти хучь и не стремилси,
Но, и головы не гнул,
Из походу воротилси
С пулей в сердце есаул.

Казака похоронили.
Конь же, буд-то сам не свой,
Не отходить от могилы,
Закручинилси гнедой.

День проходить, два минуло,
Не идёт конь есть и пить,
У могилы есаула
Как привязанный, стоять.

Так гнедой себя изводить,
Видно, ноша нелегка.
В третий день к коню приходить
Сын лихого казака.

Мне на службу срок уж вышел.
Ты скажи мне, мой родной,
Коли хошь меня услышать,
С кем иттить, как не с тобой?

Вместе с батькой вы служили,
Ты берёг яво, как мог,
А, что пулю в грудь словил он —
Не твоя вина, Гнедок!

Аж под сердцем защемило
У Гнедка от энтих слов.
Отошёл он от могилы,
Ткнулся казаку в плечо.

Отошла от сердца вьюга,
Конь приветливо заржал...
С той поры он сына друга
Как дитя оберегал.

Им в боях, как говоритьси,
Всяко повидать пришлось,
Но, в станицу воротиться
Им живыми довелось.

И, с тех пор, как мне сказали,
На подворье казака
Для походу выбирали
Токмо сыновей Гнедка.

Проводы казака

Слёзы горькие роняя,
Люди бають, в старину,
Мать-старушка провожала
Своо сына на войну.

«Воротись домой с победой,
Да служи, сыночек, так,
Чтоб с небес твой батька с дедом
Видели, что ты – казак!

Не позорь мои седины,
Долг как следует сполняй,
Смерти не страшись, родимай,
Ты – донец, не забывай!

Я тобі сичас гуюрю
То, что батька наказал...»
И, смахнув слезу рукою,
Матери казак сказал:

«Верь мне, мамо, не забуду
Чей я внук и чей я сын.
Труса праздновать не буду
И не посрамлю седин.

Ну, а коль случиться, мамо,
Голову мне потерять...
Мёртвые не мають сраму,
Ежли смерть в бою принять!

Али я в бою сложуся,
Аль врагу в аду гореть,
Токмо, чести не лишуся!»
Мать же шепчет яму вслед:

«Что мне делать, Боже Правый?
Ведь твой батька так же жил...
Воротись домой со славой,
Али голову сложи.

Знаю, что тогда до смерти
Мне придётся слёзы лить...
Но, вы матери поверьте,
Токмо так и должно жить!»

Разговор с внуком

А ну-ка, отвечай, родимай,
Как получилось, что ты
Из драки вышел невредимай,
А друг в сопатку получил?

Ты погоди, не хлюпай носом,
Ты расскажи мне, унучёк,
Коль дед пришёл к тоби с вопросом.
Что-ж друга уберечь не смог?

Такой гутор промежду нами:
Сам уберечься смог, и рад,
А друг таперя с фонарями.
Не по-казачьи энто, брат!

Бережь себя в бою не гоже.
И, как там что ни повернись,
Собрата жисть цени дороже,
Чем свою собственную жисть!

И, к энтому гутору, милай,
Такой добавлю оборот:
Коль что не так в бою случилось,
Тоби собрат убережёт!

Думки у костра

Помню я ещё с мальства дедово сказанье,
Что услышать довелось, сидя у огня.
Токмо разведу костёр, вспомню то преданье,
И мне язычки огня душу бередять...

Из походу дальнего сотня возверталась.
Долго-ль ехали, аль нет, а ночной порой
Во степи у костерка ночевать осталась.
И, повёл гутор такой сотник пожилой:

Что пошлёт нам дале жисть, я того не знаю,
Можеть, распрощаимси, коль придёт пора...
Язычками пламени души согревая,
Тихо посидим, братья, около костра.

Посидим, да помолчим, вспомним дни былыя,
Вспомним про порубаных братьев казаков,
Как ушли на Небеса хлопцы удалыя,
А таперь глядят на нас из-за облаков.

Образы братьов своих не забудь, казаче.
С нами все наши братья, пока Память есть.
Так я вам, братья, скажу. И всё энто значить:
Память светлую про их береги, как Честь!

И, наказ тот казакам дорог пуще хлеба.
И, спустился к им с Небес сокровенный Глас:
Не кручиньтесь за братьов, встренимси на Небе,
Живы братья казаки, коли помнють нас!

Куда уходят казаки? (Светлой Памяти ушедших Братьев)

Таков мой сказ сегодня, значить,
От деда в детстве слышал я,
Как отошла Душа казачья,
Прощалась с казаком семья.

Вдова печальная стояла,
Глаза в слезах. И в энтот миг,
Откуда, даже и не знаю,
К ней подошёл седой старик.

Присел тихонько в закуточке,
Вдову позвал, да говорить:
«Сядь рядом, да послухай, дочка,
Куда уходят казаки.»

Не знаю, быль то, али небыль,
Да токмо, люди говорят,
Дед указал рукой на небо,
А там стоить Христова Рать.

И, слышуть, как с Небес, из строю
Казак казачке говорить:
«На Небесах Христовым Воем
Таперь служить мне предстоить.»

Там кажный Вой таперя нужен,
Ты, дорогая, не тужи.
Не помер я, ушёл на службу.
Про энто детям и скажи.»

Со мною можете вы спорить,
Но, брехуном я не прослыл.
Да старики ишо гуторють:
То Николай Угодник был.

Сказ про Петра Баклана (как Баклан абреков обдурил)

Посля будешь баз топтать,
Посидит-ка с дедом.
Про Баклана, казака
Я хочу поведать.

Расскажу тобі, малец,
От такую байку:
Натолкнулси удалец
На абреков шайку.

Подошли издалека,
Люди так гуторють,
Окружили казака,
Да с ухмылкой смотрють.

Коник квѣлый, а на ём
Здоровенный дядька,
Вроде, скачить, токмо всё
Несуразно как-то.

Ржут абреки от души,
Весело им, чуешь,
Ну-т ка, братец, покажи,
Как ты джигитуешь.

Стал казак джигитовать,
Да таким манером,
Ненароком, как-то так,
В сторону отъехал.

Встрепенулси тут казак,
Да винтовку вскинул,
А неловкости в руках
Нетуть и впомяне.

Коник припустил в галоп,
Кончилась потеха.
Что ни выстрел – пуля в лоб,
И нема абрека.

Накачал свинцом калган
Пятерым. Не мало...
То, гуторють, был Баклан,
Батька енерала.

Сын Баклана казака
Яшкой звалси. Слышишь?
Молодого про Порасеяны по-над Тереком
Что в погожий день
был убит...
В енералы вышел!

Коли есть казачья кровь,
То дела найдутси.
Казаки от казаков
Завсегда ведутьси!

Ты – казак, родимай друг,
Помни то с пелёнок,
Чей ты сын и чей унук
Не забудь, кутёнок!

Казак и волк

Посиди, кужонок, с дедом,
Хворостину расседлай,
Погуторим между делом...
Ты послухай, да вникай.

Сказкою тоби потешу.
Как-то раз в степи казак,
Правду-ль бають, али брешуть,
Спас волчонка от собак.

С той поры лет пять минуло.
И, станишник тот в степи
Грудью налетел на пулю,
Пал и коник рядом с им.

Затужил донец сражённай,
Ужо, думал, смерть близка.
Ввечеру жа волк матёрай
Подошёл до казака.

Рану вылизал досУха,
Отгонял других волков.
Так и охранял братуху
До подходу казаков.

Коли зверь добро упомнить,
То, тем паче, человек,
Коли он под Богом ходить.
Ты запомни то навек!

То уразумей, унучек:
За добро плати добром,
Коли подвернётся случай,
А не златом-серебром!

Один в поле – воин!

Ну, докладавай, кужонок,
Где рубаху разодрал,
С кем схлеснулси, пострелёнок,
Да под глазом «орден» взял?

Взор не прячь, гляди на деда,
Дед зазря не укорить.
Ходи прямо, гляди смело!
Так закон наш говорить.

Знаю, мне уж толковали,
Пятерым дал укорот,
Чтоб к малым не приставали.
Такой, значить, оборот.

За малого заступилси?
Дело доброе, браток!
Дед не зря тобой гордиться,
Будеть из кужонка толк!

Токмо так, и не иначе,
В поле воин и один,
Коли скроен по-казачьи.
Помни то, казачий сын!

Коли страху щас не сведал,
Значить, и на дело гожд!
На-т ко, пряничка отведай,
Заслужил, ядрёна вошь!

Крайний наказ

Сядь, унучек, да послухай,
Будеть гутор мой таков:
Быль то, а не побрехуха,
Энто – память от дедов!

То, брат, не пустыя речи,
Люди сказывают так.
Посля беспощадной сечи
Помирал в степи казак.

Уж и свет в глазах сгустилси,
Недалёк последний путь...
Ворон с облака спустился
Да сел воину на грудь.

Гордо голову поднявши,
Хучь и не осталось сил,
Словно брата, витязь павший
Птицу-ворона просил:

Удружи мне, братец милай,
Довелось мне пасть в бою,
Отнеси на баз родимай
Вестку смертную мою.

Не жалел себя и татей,
Хучь и был неравным бой.
Были бы в живых дед с батей,
То могли-б гордиться мной.

Память предков не споганил
Я. На славу погулял.
Семерых в степи оставил,
Лишь потом с коня упал.

От таков гутор мой, брате.
Да ишо хочу сказать:
Отнеси поклон до мати,
Мне яё уж не свидать.

Руда льётся в степь из раны,
Нет яё ужо почти...
Сделай дело без обману,
Прощевай, браток. Лети.

Помни накрепко, унучек,
Ежель ты не вертопрах:
Пасть в бою со славой лучше,
Чем сидеть всю жисть в кустах!

Пошто Чёрт чёрен? (побрехушка)

Знать хотишь, унук казачий,
Што у деда глаз горить,
Што в усах ухмылку прячить?
Растолкую, так и быть.

Вспомнилась мне побрехушка,
Што от деда слышал я,
Правды там, могёт, с полушку,
Токмо, люди говорить...

Ввечеру, гуторють, летом
Баньку раз казак топил.
И, за энтаким вот делом
Чёрт к яму и подвалил.

За тобой я, братец, значить,
Собирайси, полетим.
Послан за Душой казачьей
Я начальником моим.

А казак в одном исподним...
Как тут дать отпор врагу?
Токмо, руки дело помнють,
И взялись за кочергу.

И, пущай в руке казачьей
Вместо шашки кочерга,
Да сноровка много значить!
Чёрту обломал рога.

По рогам яму козлячьим,
По копытам, по хребту...
Вот тоби Душа казачья!
Вот те ненависть к Кресту!

Чёрт тады чуть жив осталси,
В Преисподнюю удрал,
Года два потом чесалси,
Кочергу всё поминал.

Чаял казаку мученья,
Да случись алаверды...
Чёрен Чёрт не от рожленья,
То от кочерги следы.

Дедов пряник (из детства)

Помню, как ещё мальчишкой,
(До сих пор не позабыл)
У себя в столе за книжкой
Пряник высохший хранил.

Получил его от деда
Со словами: «Добре, Брат!»
В драке одержав победу,
Заступившись за девчат.

Дед склонился надо мною,
Да в глаза мои взглянул.
И, мозолистой рукою
По загривку трепанул.

Во дворе друзья смеялись:
«И на кой те тот сухарь?»
Одного не понимали,
То не пряник был. Медаль!

Зря смеётесь вы. Не надо.
В годы детства моего
Был ценней любой награды
Дедов пряник с похвалой!

Казачьи слёзы

Што, куженёнок, по базу не скачешь,
К деду тулишьси, кубыть невзначай,
Хочешь узнать, есть ли слёзы казачьи?
Што ж, поговорим об энтот. Сидай.

То приключилося в годы лихия.
Быль то, родимай, деды не совруть.
Билися с ворогом сотни донския,
Билися за Землю свою, за Присуд!

В жарком бою со свинцом повстречались
Конь да казак, по одной на двоих.
Да, хучь ни руды, ни сил не осталось,
Коник из бою донца выносил.

Хучь пуля злая под сердцем ярилась,
Не замечал коник раны в груди,
А, в голове лишь одна думка билась,
Думка про то, как бы брата спасти.

Мчалси в намёт, своей боли не слышав,
Силы хватило на энто Гнедку.
Замертво пал он, лишь к лагерю вышел...
Срок уж, видать, подошёл дончаку.

С лагерю к им казаки побежали.
Што жа случилось, Боже ты мой?
А, подбежавши, они увидали:
Коник не дышит, а всадник живой.

Надобно, братец, тоби к лазарету,
Ныне с Безносой сошёлси на «Ты».
Токмо, не слышал казак тех советов.
«Дайте с конём попрощаться, браты!»

Обнял коня, словно брата родного:
«Стольки боёв ты со мной перенёс...»
Капали слёзы на морду гнедого,
Да не стыдилси казак энтих слёз.

От такова моя будить наука,
Накрепко помни про то, унучок:
Слёзы казачьи по павшему другу —
Слёзы святыя... Святыя, милоч!

Казачье слово

Штой-то ты, милоч, заскУчил,
Как тальник на берегу.
Расскажи, ядрёный случай,
Подмогну, коль чем смогу.

Обещал дружок подмогу,
А, как в дело, так удрал?
То не друг тоби, ей Богу!
Слово дал и не сдержал?!

К тоби в други набивалси?
Языком брехать мастак.
Коль от слова отказалси,
То брехун, а не казак!

Не кручиньси по такому,
Хуже «друг» такой, чем тать,
А гони хлыстом из дому.
Нам таких на дух не нать!

Слово казаку дороже
Пуще жисти, знай об том.
Нарушать яво не гоже,
Коли хошь быть казаком!

С брехунами не якшайси,
Да запомни на всю жисть:
Зря словами не бросайси,
А уж коли дал – держи!

То деды нам завещали:
Слово твёрже, чем булат.
Крепче нету обещаний,
Чем казачье слово, брат!

Сказ о лебедице

Чай умаялси, родимай,
Уж набегалси, поди?
Ты сидай-ка рядом, милай,
Быль поведаю тоби.

Посля, милай, поговорим,
Люб рассказ мой, аль не люб...
Во станице по-над Доном
Жил казак Матвейка Чуб.

Часто приходилось биться,
Были времена лихи.
Сполох прилетел в станицу,
И поднялись казаки.

Всё намётом сыплють к Дону
Яво славные сыны.
Нет дороги злу лихому
До родимой стороны!

Встренулси с врагами в плавнях,
Мигом обнажил клинок,
Хучь и дралси дюже справно,
Да себя не уберёг.

Не страшилси он булата,
Страху отродясь не знал...
Посля бою с супостатом
Раненый Матвей лежал.

Лиходеи увидали,
Што лежить казак живой,
На Матвея набежали,
Да хотять добить яво.

И, случилось так, родимай,
Што от вражьего клинка
Лебедица заслонила
Своим телом казака.

Смотрить птица грозным взглядом,
По клинкам крылами бьёт,
Отгоняить супостатов,
Да проходу не даёт.

Повертали взад злодеи,
Не преодолев заслон...
Токмо, у жены Матвея
Руки в шрамах с тех времен.

Справил я тоби ружьишко,
Для охоты ты уж гож.
Токмо, знай одно, братишка:
Лебедь белую не трожь!

Девичья молитва

Расседлай, кужонок, хворостину,
В стойло ставь, да травкой оботри...
Про дивчину сказ мой будеть ныне.
Тут сидай, да ухи навостри.

Покидали казаки станицу,
Ветер с Дону след их заносил...
Провожала казака девица
Да шептала: «Господи, спаси!»

Казаку она запала в душу,
И сказал он: «Ежель не сложусь,
Видить Бог, я слова не нарушу,
Жди сватов, как токмо возвернусь!»

Чтобы с им бяды не приключилось,
Воинская доля не легка,
Ежечасно девица молилась
За родного сердцу казака.

Всякое в походе было, братцы,
Хлопца Смерть частенько стерегла,
Токмо, не смогла к яму пробратсьи,
Казака молитва берегла!

Просвистел клинок над головою,
Пуля визгом ухо обожгла.
Снова Смерть промчалась стороною,
Словно бы и встречи не ждала.

Девичья молитва сохранила
Казака от гибели в степи.
Смерть косу бессильно опустила...
Господи, помилуй и спаси!

Дончак

Мы рассыпались лавой в степи,
Ветра свист, обжигающий уши,
Гик казачий, как ветер летит
У врага вынимающий душу!

На врага, словно вихрь, налететь
Не впервой нам, братишка, с тобою.
Вдруг, под мордю вздыбилась степь
Черным веером, громом и болью.

Обалдело трясую головой,
Помаленьку сумел оклематься,
А хозяин лежит, чуть живой,
И с земли не спешит подниматься.

Поднимайся, казак, не дури.
Сколько можно лежать, в самом деле?
С детства помню я руки твои.
Вместе мы и росли, и выросли.

Ты меня каждый вечер купал.
Помню, как ты водицей донскою
Мне от пыли бока отмывал
И расчесывал гриву рукою.

Эй, хозяин, не время лежать!
Смерть тебя не получит без боя.
Не спеши, погоди помирать,
Мы еще погуляем с тобою!

Лег поближе, спиной к казаку,
Ухватился зубами за спину.
Я, братишка, тебя сберегу,
Забирайся скорее, родимый!

Я дошел до костров, казаки
Со спины моей бережно сняли
Брата на руки. И поднесли
К моей морде. И поодаль встали.

Нежно морды коснулась рука.
И, забуду я это едва ли,
На суровом лице казака
Слезы, будто роса, засверкали.

Сказ про казака Яшку, Дашку да шашку

Лихо сдвинута фуражка,
Ножны с шашкой на боку,
Слева шашка, справа Дашка.
Много ль надо казаку?

Пусть идут года, не страшно,
Дни текут, как с гор вода.
С вострой шашкой, с верной Дашкой
Мне и годы не беда!

Как бы ни был ворог страшен
Я, назло тому врагу,
С вострой шашкой, ради Дашки
Нашу Землю сберегу!

Ну, а коль придут Кондрашка
Да Костлявая с клюкой...
В руке шашка, в сердце Дашка!
Вот и есть душе покой.

Или враг лихой с оттяжкой
Полоснет на всем скаку.
Смерть от шашки, в сердце Дашка.
Много ль надо казаку?

Есть для нас одна поблажка,
Я прощаться погожу.
Не кручиньтесь, шашка с Дашкой,
Я с небес на вас гляжу!

И сожмет отцову шашку
Сына моего рука.
Сына шашка, моя Дашка,
Не забудут казака!
Сестренка

Навалилось, откуда, не знаю.
Чтоб совсем не предаться тоске
На конюшню зашел. Вдруг гнедая
Подошла и прижалась к щеке.

Вроде, мелочь, а в раз отпустило,
Буд-то не было. Боже, скажи,
Всемогущий, откуда в них сила
Забирать нашу грязь из души?

Словно в сердце живою водицей
Мне плеснули. В душе снова свет.
Я сказал ей: «Спасибо, сестрица!»
И она улыбнулась в ответ!

Две души

О коне ведется сказ,
Что, в бою, однажды
Казака от пули спас,
На дыбки поднявшись.

Вознеслась его душа
К поднебесным хатам.
В рай дорога хороша,
Только как без брата?

Ну, а коли так, дружок,
Раз без брата худо,
Тута рядом есть лужок.
Погуляй покуда.

Не схотел ты в рай попасть,
Жди, там разберемся
В рай иль в ад вас отослать.
Конь на луг понесся.

Ждал буланный на лугу
И дождался встречи.
Срок пришел и казаку,
Путь бойца не вечен.

Вопрошает их Господь:
На покой, робяты?
А на кой нам тот покой?
Послужить бы рады!

Что тогда могу сказать?
Коль служить вы в силах,
Дуйте во Христову Рать
К Батьке Михаилу!

Атака

Шашки вон и пики к бою!
Ветра гул, да звон копыт,
Свист клинка над головою,
Да над степью гик летит!

Распахнись, душа казачья
Упоением в бою!
Враг лихой от нас не спрячет
Шкуру подлую свою!

Бей, руби, коли вражину!
Бог и Правда за тобой.
Лава наша, как стремнина,
Все сметет перед собой!

Гой-да! Гэй! Казачья доля.
Ныне нашей славы час.
С нами Вера, с нами Воля!
Значит, смерти нет для нас!

Две встречи (дедова сказка)

Раз, над Тереком, как-то, случилась беда
На глазах казака и джигита.
Несмышлёныш орленок упал из гнезда
И сидел на скале, как прибитый.

Поглядев друг на друга и, молча кивнув,
И клинки свои в ножны упрятав,
Поползли на скалу, позабыв про вражду.
Надо выручить меньшего брата.

Молча взяли птенца, положили в гнездо,
Молча вниз со скалы опустились.
Из сердец улетучились гнев со враждой,
Потеплевшие взгляды скрестились.

Не сказавши ни слова, сумели понять:
Нету большего счастья на свете,
Чем меньшого собрата в беде поддержать.
Улыбнулись они, словно дети.

Не успеешь заметить, как время летит.
Годы шли, где бегом, а где шагом.
Позабыл и казак, позабыл и джигит
Про орленка того, бедолагу.

Жизнь связала узлом вновь, на самом краю
Воедино судьбу двух героев.
Довелось им схлестнуться в смертельном бою
По-над Тереком и под скалою.

И, клинки обнажив, каждый к недругу шёл.
Взгляд холодный, как зимняя вьюга.
Только, вдруг, со скалы опустился орёл,
Заслонив их собой друг от друга.

И, воскресшая память зажгла огоньки
Встречи той, и мужчины в молчаньи,
Позабыв о вражде, спрятав в ножны клинки,
Подожли, и друг друга обняли.

Казачья воля

Казак свободен от рожденья,
Без Воли жисть – не для него.
И, принимает он решенья
По зову сердца своего.

Коль видишь во Христе спасенье,
Коль к Вере сердцем прикипел,
То, без Христова дозволения
Ты не начнешь и малых дел.

Казак, как человек свободный,
Всегда готов за Веру встать.
А, коли что Христу не вгодно,
Тады и нам того не натъ.

Свобода, Воля в наше время
Такие же, как были в старь.
Жить во Христе – вот наше бремя,
Что ты об энтот ни гутарь.

Да и не бремя энтот – благо,
Так и Писание гласит.
Своею Волей к Вере тяга
Любую темень победит.

И, как бы ныне нас не гнули,
Своею Волей надоть жить.
Чтоб предки глаз не отвернули,
Свободой надоть дорожить.

Перед «властителями жизни»
Нам прогибаться не с руки,
Ведь не правителям, Отчизне
Всегда служили казаки.

Божий Глас

Кто-то скажет: «Глас Христа,
Хучь я и пытался,
Не слышал я никогда,
Как ни напрягался.»

Дык на энту чушь в ответ
Я гугорю сердцем:
«Божий Глас, как Божий Свет
С нами повсеместно!

Не придет со стороны,
С поднебесной выси,
Казаки его должны
Своим сердцем слышать.»

Вот и всё, таков мой сказ:
Пока сердце бьётся
Божий Глас всегда при нас —
Совестью зовётся!

Возвращение казака

Покидал казак станицу,
Шёл османа воевать,
Обнял у ворот сестрицу,
Наказал ей брата ждать.

Воронок под им резвилси,
Гарцевал, судьбе назло,
А из-под папахи вилси
Чуб, как ворона крыло.

Годы шли, а не седмицы,
Злая мИнула пора.
Воротилси брат в станицу,
Подъезжайть до двора.

К дому он стрелой несётсяи
И, увидела сестра,
Что из-под папахи вьётсяи
Чуб, белее серебра.

Конь под ним, как снег, искриться,
А, ведь был же вороной...
Задала вопрос сестрица:
«Ты ответь мне, братец мой,

Как же вышло так, родимай?
Растолкуй мне поскорей,
Уходили вороныя,
А вернулись в серебре?»

«Страшен был тот бой, сестрица» —
Отвечает ей казак.
«Уж не чаял воротиться,
Токмо, вышло всё не так...

Думал, что в бою я сгину.
Вот тогда мой вороной
От злой пули турчанина
Заслонил меня собой.

Всю жизнЮ мы были рядом.
Затопила душу грусть.
А мой конь, с последним взглядом,
Прошептал мне: «Я вернусь!»

И, поверишь-ли, сестрица,
Увидать мне довелось,
Как на небо белой птицей
Вознеслась душа яво.

Я простилси с головою,
Пропаду, мол, без коня.
Но, в тот час, на поле боя
Облак сам нашёл меня.

Словно с облака спустился,
Ткнулси мордой да заржал...
Я в глазах яво лучистых
Вороного взгляд узнал!

Стало на душе отрадно,
Как в глаза яво взглянул.
Знать, Господь с небес обратно
Душу Воронка вернул!

У меня же, после боя,
Появилась седина.
Знать, сестрица, нас обоих
Перекрасила война.»

Хмурым утром

Над зямлёй ляжить туман.
Энтим утром хмурым
Прощевалси атаман
С коником каурым.

Не найтить слов, всё не те,
Токмо думки душать,
И ложилися оне
Тяжким грузом в душу.

Тоби-б жить ещё да жить
Казаку на радость...
Токмо, нелюди нашлись,
Да сгубили брата.

И ушёл конь молодой
К Богу на равнины,
Часть души унёс с собой,
Сердца половину.

Так, с разодранной душой,
Голову склонивши,
К куреню казак ушёл,
Друга схоронивши.

Казарла

Голос деда вновь почуя,
Занялся в душе огонь.
Зову крови повинуюсь,
Шашку обняла ладонь.
Свист клинка мы снова слышим,
Кровь казачия кипить,
Вольным воздухом мы дышим,
Под папахой глаз горить.

Припев:

Казарла!
Собралась казара.
Казарла!
Казаков собрала.

Вновь звучить «Бузуй!» над полем,
Вновь блестя клинки в руках.
Честь дедов не опозорим,
Будет жить она в сердцах!
Где с усмешкой, где с насмешкой,
Да без злобы и вражды,
На шермициях, как прежде,
Состязаются братья.

Припев

Тут не место думкам чёрным,
Тут всегда открытый взгляд,
Тут собрат словцом задорным
Подбодрить собрата рад.
Тут душа наружу рвётся,
Воля в сердце и в глазах.
Казарлой не зря зовётся
Удаль, что живёт в веках!

Припев

Казачья ладанка

Вьётся голубой дымок
Самокруточки.
Ты сидай-ка, унучок,
На минуточку.

На минуточку сидай,
Да послухай-ка
Дедов сказ про дальний край,
Да про ладанку.

Расскажу, как жил казак
В годы давния,
Ты-ж кумекай, что да как,
В душу складывай.

Всё в походах да боях
Вёл он жисть свою,
Хаживал в чужих краях
С шашкой вострою.

На поляка хаживал,
Да в туретчину,
Да нигде не забывал
Свою вотчину.

Долго был в чужих краях,
Да носил с собой
На груди, возле креста
Горсть земли родной.

Горсть земли возле креста,
Да былиночка.
Ведь в степи родной росла
Та травиночка.

Напитались они
Запахом степным,
Жисть казачью берегли
Духом тем родным.

Чтобы был всегда с тобой
Дух родной земли,
Ты частичку яё
На груди храни.

Ту науку издревле
Нам Господь даёт,
Память о Родной Земле
Силы придаёт!

Ты меня не бойся!

Што шугаисси, унучек?
Больно взгляд у деда строг?
От жа ить, ядрёный случай,
Дык ить, я – казак, милок!

Крепки духом, телом тожить
Вы должны, кужата, быть.
Нам сюсюкаться не гоже,
Надоть казаков растить!

Будь готов, унучек, к службе
Вере, Правде да Кресту.
Мы и посля смерти служим
В Святом Воинстве Христу.

Не страшись мене, отрада,
Здря не трону никого,
Казаку страшиться надоть
Токмо Бога одного!

ОЛЕГ КУЛЕБЯКИН

Штык калёный

Штык калёный, он трёхгранный,
Вражий, вдарил меня в бок,
Полилася кровь из раны
Да на жёлтенький песок.

Всё на жёлтенький песок,
На высокий бережок.

А на том вот берегу
Одинокий дуб стоял,
Он стоял, шумел ветвями
Всё на самом, на краю.

Всё на самом на краю,
В четырёх только шагах.

В четырёх только шажочках,
А пройти их не могу,
Видно, милый мой дружок,
Пора-времечка пришла.

Видно времечка пришла,
Мне, друг милый, помирать.

Мне, друг милый, помирать.
Во расцвете лет молодых.
Значит Богу так угодно,
Что своё я отгулял.

А своё я отгулял
До сегодняшнего дня.

Я гулял да веселился,
Пока служба не пришла.
Она служба боевая,
В чужедальной стороне.

В чужедальную сторонку
Ехал турка воевать.

Ехал турка воевать,
На гармошечке играл.
А теперь смертельно ранен.
Я в жестоком с ним бою.

А в жестоком том бою,
Оступился коник мой.

Боевой мой конь каурый,
Звонко ржёт возле меня.
Созывает он, родимец,
Односумов да друзей.

Он ко мне моих друзей,
Всё Терских лишь казаков.

Ой, вы, милые дружочки,
Напишите вы письмо,
Отпишите вы три строчки
Старой маменьке моей.

Ей в письме том обскажите,
Что сыночка больше нет.

А меня похороните
На высоком берегу,
Под восьми его конечным,
Под дубовым под крестом.

На кресте том начертайте,
Не сочтите вы за труд:

«Здесь покоится навечно
Молодой Терской казак,
Молодой Терской казак,
Двадцати от роду лет.

За Россию, за Отчизну,
Свою голову сложил.»

Штык калёный, он трёхгранный,
Вражий, вдарил меня в бок,
Полилася кровь из раны
Да на жёлтенький песок...

К себе ангелов Господь призывал

К себе ангелов Господь призывал,
О Любви своей он им говорил,
На три стОроны лететь наказал,
Не жалея своих ангельских крыл.

Одному велел лететь он на Дон,
А другому на Кубань, за ним вслед,
И послал на Терек третьего он,
Над горами лишь забрезжил рассвет.

Наказал он передать на словах:
Любит всех он и желает добра,
Час придёт – и на станичных церквАх,
Вновь как прежде заблестят купола.

Поплывёт, куда ты только не глянь,
Над округою малиновый звон,
Терек с Сунжею, Лаба да Кубань,
Бузулук, Медведица, Тихий Дон...

И велел сказать он детям своим,
Кто века живут в боях да трудах,
Чтоб в надежде оставались за ним,
Крест Господний, чтоб носили в сердцах.

Трудно нынче, но и радость придёт,
На казачьи земли в избранный срок,
Ангел светлый весть о том принесёт,
В каждый хутор, дом, на каждый порог.

Хутора, станицы, горы да степь,
– Под его, Господней, вечно, рукой,
Дождь идёт, или в полях зреет хлеб,
Или лес шумит зелёной листвою.

...К себе ангелов Господь призывал,
О Любви своей он им говорил,
На три стОроны лететь наказал,
Не жалея своих ангельских крыл...

Эх, милый мой, а жизнь проходит...

Эх, милый мой, а жизнь проходит
Мимо соседского плетня,
Уже закаты и восходы,
Давно не радуют меня.

А помнишь ты, какие были,
С тобой лихие два орла,
Какие девы нас любили,
Какие были времена...

При Валерике на завалах,
Плечом к плечу стояли мы,
Как пуля вражья там журжала,
Той битвы славной вспомни миг.

Уж многие ушли к Казбеку,
Из тех, кто с нами там бывал,
Немудрено – почти полвека
С тех пор минуло – кто бы знал!

Кто в деле пал, кто занедужил,
Да так оправиться не смог,
Я знаю -братские их Души,
На небе упокоит Бог.

Ты чихиря налей до краю,
Плавней беседа чтоб плыла,
Обнявшись, песни заиграем,
Мы про былые те дела.

Про наших славных Терцев храбрых,
Затянем мы сколь будет сил,
Да про червлёный, про кораблик,
В Хвалынском морюшке что плыл.

Ватагой шумною внучата,
Послушать прибегут дедов,
Дай Бог, родные казарята.
Вам до седых дожить голов.

И пусть с тобой давно седые,
– Годочки птицею летят,
В душе мы оба молодые,
Полвека как тому назад!

Дедов рассказ

«То в пятницу было, а может быть всреду,
Уж столько минУло – не вспомню сейчас,
Бата Шамурзаев в две тысячи конных,
Орущей стеной надвигался на нас.

Нас менее сотни, станичников славных,
Сплошь все Гребенские, и с нами майор,
Весеннее солнце со светом багряным,
Уже величаво встаёт из-за гор.

Вдруг весь опустился отряд на колени,
Торжественный миг - всё застыло вокруг,
Себя осенили мы Крестным Знаменьем,
У каждого рядом – родной верный друг.

Майор закричал: «Да что же вы, братцы!
Неужто сдаваться вы все собрались?!»
Ему отвечали: «То Старообрядцы!
Помолятся только – а после держись!»

Залп меткий и страшный из ружей казачьих
Повыбил особо лихих из седла,
И встали другие, в смятеньи ужасном,
В расстерянности натянув удила...

До вечера длилась кровавая жатва,
За землю свою мы стояли на смЕрть!
Хоть каждый мечтал возвернуться обратно,
Но были готовы в тот час умереть.

Пора уходить, но изранены кони,
Добить ни одна не поднялась рука...
Вдруг крик непонятный, исполненный боли,
Раздался протяжный, вблизи казака.

То плакали кони, и крупные слёзы,
Солёным потоком катились из глаз,
В их ржании слышалось: «Что же вы, люди,
В такую минуту бросаете нас!»

Все в чёрной крови, на ногах перебитых,
Они, собрав силы, за нами ползли,
Мы ж ранены сами, и много убитых,
С собою их взять ну никак не могли...»

– Деданя, а всё ж подоспела подмога!
Я уж наизусть знаю славный рассказ!
Хорунжий Федюшкин поранен был в ногу,
И храбрый Рогожин, другие из вас!

«-Эх, милый внучок, уж лет тридцатьминУло!
Мы храбро сражались, но только во сне,
Неспешной рысцою, те бедные кони,
Всё чаще и чаще приходят ко мне!»

Шашка свистнула, лиходеечка

Шашка свистнула, лиходеечка,
Побежала кровь на снежок,
Эх, судьба моя – канареечка!
Отгулялся, знать, – вышел срок.

Отыграл, видать, на тальяночке
По вечёрочкам, вам, друзья,
На зелёной, вновь, на поляночке,
Не услышать мне соловья.

Отлюбил своё, отухаживал,
За девчёночкой молодой,
Не бывать ей, знать, за мной замужем,
Не ходить под белой фатой.

Не пустить коня своего верного,
Через степь, без поводыев, в намёт.
Не увидеть больше, наверное,
Как на зореньке солнце встаёт.

Не обнять мне, знать, батю с матерью,
Не увидеть вновь родных мест,
Кровь на беленькой снега скатерти,
Шьёт прощальный мой, братцы, крест.

Крест дубовый мне, об восьми концах,
Дорогие, поставьте, друзья,
На крутом яру, на семи ветрах,
Где за речкою всходит заря.

Как схороните – помяните в срок,
Да печалиться шибко не смей!
Душу грешную мою примет Бог,
А меня – бескрайняя степь.

Шашка свистнула, лиходеечка,
Побежала кровь на снежок.
Эх, судьба моя -канареечка!
Отгулялся, знать, -вышел срок.

Снились нынче мне степи без края...

Снились нынче мне степи без края,
Там волною ковыль на ветру,
И с востока, лучами играя,
В небе солнце встаёт по утру.

Снились дальние синие горы,
Снег седой на вершинах лежит,
Озирая родные просторы,
Там орёл одинокий кружит.

А ещё, помню, снилась станица
В белоснежном вишнёвом цветку,
За воротами ржёт кобылица,
– В степь табун отгоняет пастух.

Снился старый наш дом на пригорке,
Там впервые увидел я свет,
На крыльце, из душистой махорки,
Мастерит самокруточку дед.

И себя я во сне видел малым,
– С ребяtnей, мчусь куда-то босой,
А вдали, слышно, падают травы
Под звенящею острой косой.

Как бы ни был далёко от дома,
На какой бы чужой стороне,
Край родимый, до боли знакомый,
Мне является часто во сне.

Вороной

Постарел коник мой вороной,
Загрустил, и не ест и не пьёт,
И как прежде при встрече со мной,
Как бывало от счастья не ржёт.

Только глазом печально косит,
И сказать будто хочет сквозь грусть:
«Слышишь, друг -меня в степь отпусти,
И не жди -больше я не вернусь...»

Выручал тебя, помнишь, не раз,
И от пули не раз уносил,
Час пришёл -помирать мне пора.
Отгулял. Да и нет больше сил.

Там, на небе есть, слышал, табун.
Ходят в нём все, хозяин, как я,
Отпусти – я до них добегу,
Позаждались там знаю меня.

Травы там молодые в степи,
Кобылицы призывно зовут,
Отпусти меня к ним, отпусти,
Не сочти, прошу Брат мой, за труд.

Я ведь волюшку тоже любил,
Слаще она стократ чем вино.
Ты меня, я прошу, отпусти,
Так видать на Роду суждено.

Помни, Брат, ты меня молодым,
Ты трёхлеткой, лихим жеребцом,
Углядел как меня средь других,
И забрал, порешив с продавцом.

Приходить к тебе буду во сне,
Будем вновь вместе с лавой нестись,
Ты, как прежде, в черкесском седле,
Будешь шашку вздывать свою ввысь...»

Я его тогда в степь отпустил,
Напоследок за шею обняв,
Лишь до крови губу прикусил,
Брат прощай – буду помнить тебя.

Дай Бог, чтоб не сорваться в запой,
Хоть не пил я до этого дня,
Высоко в небе, мой вороной,
Тихо ржёт, поджидая меня...

Я поставлю двенадцать свечей

Я поставлю двенадцать свечей
В церкви той, где крестили меня,
Задержусь, выходя из дверей,
Тихим утром июньского дня.

И двенадцать седых тополей,
Что у дедова дома растут,
Увидав – к ним иду по траве,
Мне по-свойски ветвями махнут.

Дед мой, помню, был статен собой,
Крепко сложен и норовом крут,
Я в любимцах ходил у него,
Самый младший двенадцатый внук.

Соберу я двенадцать друзей,
Самых близких в саду за столом,
Вместе с ними за жизнь, за детей,
Не спеша разговор заведём.

И мы выпьем хмельного вина,
А потом будем песни играть,
И до самого всё до утра
Будем детство своё вспоминать.

Отпущу я двенадцать коней,
В степь ночную у быстрой реки,
Будут плыть и кружиться над ней,
В небе звёзд золотых огоньки.

И двенадцати, в поле, ветрам,
Я подставлю открытую грудь,
Им я с лёгкой душою отдам
Свою светлую тихую грусть.

И пусть скоро уже пятьдесят,
Но пока что рука не дрожит:
Молодой я, пока есть друзья,
Пусть их Бог всех по жизни хранит.

Васильки

Рано утром завёл свою трель соловей
Он в зелёных садах над рекою,
А он пел да играл всё о жизни моей,
О грядущей разлуке с тобою.

Повстречались с тобой год назад у реки,
Страсть шальная толкнула в объятия,
А вокруг расцветали-цвели васильки,
Ты навстречу мне шла в белом платье...

А отец твой, урядник, был дюже суров,
Не хотел отдавать тебя замуж,
И тайком обвенчались с тобой на Покров,
Неожиданно в церкву нагрянув...

Ты покинула дом, поступив вопреки
Злой родительской воле отцовской,
Лишь стояли в глазах на лугу васильки,
Под июньским полуденным солнцем...

РаздухАрилось лето как в этом году,
Срок пришёл – я на фронт уезжаю,
Ты коня боевого ведёшь за узду,
Тихо плачешь, меня провожая.

Ай, да ты ж вот не плачь, не рыдай, негорюй,
Не наклИкай беду на дорогу,
Твой прощальный горит на губах поцелуй,
Я покаместь живой, Слава Богу!

Да заради Христа, помиритеь с Отцом,
– Кровь казачья течёт у обоих!
Я тебе обещаю черкнуть письмецо,
Буду жив, после первого боя.

Оборвал свою трель озорник соловей,
Он в зелёных садах над рекою,
Я как мог обсказал всё о жизни своей,
И слезинку смахнул с глаз рукою...

Матери

Расстелила скАтерки ровные да белые
По полям заснеженным ранняя зима,
А какие песни ты, всё играла-пела мне
Вечерами тёмными, сидя у окна.

В тихом пении твоём виделось мне лето,
Как всходило солнышко утром над рекой,
Да в лугах некошенных, знай гуляют где-то
Резвые два коника – белый да гнедой.

Закружил мне голову пряный запах донника,
Порассыпался вокруг жёлтый его цвет,
Эх, ты волюшка моя, кони мои коники,
И я снова молодой – двадцать с чем-то лет.

Прилетела ласточка, вьёт гнездо под крышею,
Где-то в доме хлеб пекут -из трубы дымок,
И как будто наяву, Батин голос слышу я,
Окликает со двора: " Подсоби, сынок! »

Видел как в саду весной распускалосьдеревце,
И цветочки белые на ветру дрожат,
На гнедого коника саживал я первенца,
А ведь было это всё двадцать лет назад...

Смолк негромкий голос твой, оборваласьпесня,
Лишь за печкой речь ведёт о своём сверчок,
В шубу белую опять, снег с метелью вместе
Одевают маленький наш тихий хуторок...

Как по полю, всё по полю...

Как по полю, всё по полю, самому по краю,
По-над лесом да дубовым, где-то там вдали,
Спотыкаясь и бранясь, на судьбу пеняя,
Беда с горяшком в обнимку вдоль дороги шли.

Песню заунывную, нескладную играли,
Про несчастное своё, горькое житьё,
А когда бросали петь, то навзрыд рыдали,
Да кружилось над ними в небе вороньё.

Им навстречу ехали казаки со службы,
Все в медалях и крестах, рвёт меха гармонь,
И на конике гнедом, молодой хорунжий,
Развесёлый, удалой, и в глазах огонь.

«Чьи такая будитя, страннички прохожия,
Аж от леса самого слышится ваш вой,
Грязные, косматыя, а какие рожи!
Встретишь вас под вечер – вряд придёшь живой!»

«Мы беда, да горяшко, она вот горемычная,
Меж дворами шляемся, где пройдем -там плач!
Вы возьмите нас собой, милые станичники,
Только песен не играйте, и гармошку спрячь!»

Рассмеялся тут казак – аж до слёз пробрАло!
Да нагайкой протянул их промеж ушей,
«Нам таких попутчиков даром не хватало!»
И велел обоих разом тут же гнать взашей.

«Наперёд запомните, и другим скажите!
Казакoв увидите – враз бегите вон!
Люди мы весёлые, но Бога не гневите,
Попадётся ещё раз, – вот те Крест, прибьём!»

«Ну да ладно, вроде всё» – он взмахнул рукою,
«Сотня, песню запевай, рысью марш, пошли!»
Ну, а горе да беда, с поротой спиною,
Оставались у дороги слёзы лить в пыли.

Брат, сверни закурить...

Брат, сверни закурить, во-внутрях всёдрожит,
Полк наш нынче водили в атаку,
Это первый мой бой, дюже страшный он был,
В том бою я срубил австрияка.

То достойный был враг, до конца он стрелял,
– Вон какая дыра на папахе,
Но ему не свезло – грудью конь его смял,
Я ж из шашки ударил с размаха.

Мы скрозь них пронеслись, как сквозь маслокинжал,
Мало кто после нас цел остался,
В нашей сотне казак был убит наповал,
Без хозяина конь рядом мчался.

После боя меня обступили братья:
«Молодцом, – отличился станичник!
Чтой-то бледный совсем, да тебя, брат, мутит,
То впервой – опосля попривыкнешь!»

А хороший табак, у тебя, милый друг,
В меру крепкий и шибко душистый,
Прощевай, может снова увидимся вдруг,
Сохрани тебя Боже по жизни!

Родина

Окунусь я в россыпь предрассветных рос,
Окажусь в стране я, полной детских грёз,
Где летит по полю быстрый белый конь,
Падают где звёзды прямо на ладонь.

Там где быстрый Терек, что в горах рождён,
Где на Пасху, в церкви, колокольный звон.
Где играют свадьбы, там где хлеб пекут,
Где отважных любят, там где старость чтут.

Где беда и радость, поровну на всех,
Там где возле речки слышен детский смех,
Вскинет где казачка горделиво бровь,
Там где воздух вольный будоражит кровь.

Где народ горячий, смелый, – только тронь!
Где о чём то плачет тихая гармонь,
Где казачья слава навсегда в честИ,
Где под ветром травы – глаз не отвести.

Где сияет солнце, там где неба край,
Где в степи тюльпанов -только собирай,
Где журчит ручьями, по весне земля,
Где навеки в сердце, Родина моя!

Эх, плесните чихиря в чапурочки червлёные

Эх, плесните чихиря
В чапурочки червлённые!
Я с друзьями разгоню
Враз тоску зелёную!

Заиграем «Шамиля»,
А потом «Снежочки»,
Опосля ещё нальём,
Милые дружочки!

Ты не верь, что говорят,
Мол, Терцы -суровые,
Погляди, кума, на нас,
– Все как есть бедовые!

Славьтесь, славьтесь, казаки,
Вы Терцы Моздокские,
Удалые Гребенцы,
Сунженцы, да Волгские!

Славься бурный Терек наш,
Батюшка-Горыныч!
Пост закончился вчера,
– Мы гуляем нынче!

Разверни меха, гармонь,
Широко, – не узко!
Разожги в груди огонь,
Заиграй «Наурскую»!

До того душа поёт,
– Не могу сказать я!
Славься Терская Земля,
Славьтесь, Сёстры, Братья!

Подранок

Подобрал я подранка зимою,
Подказало мне сердце: «Возьми!»
Он бессильно лежал предо мною
На дороге, в засохшей крови.

На меня он лишь скалился слабо,
Подвывая пытался ползти,
Перебила картечь ему лапы,
Обе задних -куда ж тут идти.

Толь охотник был тот неумеха,
Что не смог наповал уложить,
Или может, нарочно, для смеха,
Отпустил: " Глянь, браты, какбяжить!»

Конь забился, почуявши волка,
Так заржал, что аж сердце свело,
Когда взявши подранка за холку,
Я забросил его на седло.

Лишь под вечер, вернувшись в станицу,
Бедолаге я раны промыл,
Повязал их холщовой тряпицей,
И в омшанник его запустил.

Вот ведь как оно всё ж-таки вышло,
Что волкА к себе в дом притащил,
Он дней десять лежал неподвижно,
Только воду порой жадно пил.

Прокопав узкий лаз под стеною,
Не простившись он ночью ушёл,
Зверь есть зверь -он не может со мною,
Лишь на воле ему хорошо.

Много позже, опять же зимою,
Был застигнут бураном в степи,
Снег колючий кружил надо мною,
Понял, что не сыскать мне пути.

И замёрз бы я, брат, в одночасье,
И к гадалке не суйся, как вдруг,
На беду, или может на счастье,
Подскочил ко мне серый бирюк.

Ох, матёрый, глядит не мигая,
Загрызёт – до весны не найдут,
Чуть на заднюю лапу хромая,
Он с разбегу мне прыгнул на грудь...

И вдруг этот огромный волчище,
Мне лицо в один миг облизал:
«Это ж я, твой подранок давнишний!
Что ж ты друг – неужель не признал?»

Так, хромая, пошёл предо мною,
И под утро к станице привёл,
Глянул: мол, теперь квиты с тобою,
К себе в лес без оглядки ушёл.

И хоть с детства к охоте приучен,
И с ружьишком я дружбу вожу,
Крепко в душу запал этот случай:
Я с тех пор на волков не хожу.

Благодарствую я тебе, Господи

Благодарствую я тебе, Господи,
Что до дому вернулся живой,
Шилом патоки я черпнул досыта,
До краёв, на сторонке чужой.

Затянулись уж раночки тяжкие,
Пулевые, обеи всё в грудь,
Два креста – за рубцы под рубашкою,
Я ношу – их зазря не дадут.

Да и Бог с ними, слыш-ка, с наградами,
Лишь тебе я откроюсь, браток:
Глаз и сердце моё, нынче радует
Разродимый степной хуторок.

Два десятка домов на пригорочке,
Чтобы не подтопило в разлив,
Да в садах, под меловой, под горочкой,
Зреют яблоки -белый налив.

За три года чего только не было:
Находил, и терял, и встречал,
Но над хутором синее небо мне,
Часто виделось, брат, по ночам.

А над степью висит солнце рыжее,
И на сердце, браток, мне тепло,
Жить хотел – и поэтому выжил я,
Всем смертям и всем бедам назло.

Благодарствую я, тебе Господи,
Что до дому вернулся живой,
В дорогой свой, любимый мной до смерти,
Хуторок по-над быстрой рекой.

Порассеяны по-над Тереком

Порассеяны по-над Тереком
В синем небушке облака,
С невысокого правого берега
Вдруг дохнёт ветерком слегка.

Позатеряны по-за Тереком
От казачьих коней следы,
За Аргуном темны ущелия,
Знаю я, брат, и помнишь ты...

В голове моей мысли ворохом,
Будто раннею, брат, весной,
Вдруг потянет сгоревшим порохом
На тропиночке, на лесной.

Очарует красой прелестною,
Промеж гор молодой лесок,
Там блеснёт вдруг на солнце лезвием,
Острой шашки чужой клинок.

И мелодия гор печальная,
Их седая пленяет грусть,
Здесь решает всё сталь кинжальная,
Коль сошёлся с врагом грудь-в-грудь.

Разлетается пыль дорожная,
И пути конца-краю нет,
Тишина здесь всегда тревожная,
Уж четыреста с лишним лет.

Тишина – нельзя слово вымолвить,
Тот, кто здесь побывал хоть раз,
Никогда из Души не вытравит
Наш суровый, седой Кавказ...

Мы две пули по-братски поймали с конём

Мы две пули по-братски поймали с конём,
Ему в грудь, ну а мне под ключицу,
Я очнулся в палате, в обед, знойным днём,
Вроде жив, -благодарствуй сестрица.

«Так какой же станицы ты будешь, казак?»
– «Дык Червлёнский я, из староверов,
Ты скажи мне, родная, как мой аргамак?
Его вроде бы крепко задело.»

– «Что сказать тебе друг? Он тебя три версты
Нёс до наших передних позиций,
А потом наземь пал, но живой нынче ты,
Не забудь за него помолиться.»

Я в подушку проплакал всю ночь напролёт,
Ах, ты ж мой вороной, ненаглядный,
Мы всю эту войну пролетели в намёт,
А теперь нет тебя, ты мой славный.

Хоть стреляли в упор, и живым мне не быть,
Ведь чудес на войне не бывает,
Мою пулю ты взял, смело встав на дыбы,
Лишь бы выжил любимый хозяин.

Тёмной ночью собой ты меня согревал,
Я делился последней горбушкой,
Всё ж за нами остался в горах перевал,
И лесок тот с зелёной опушкой.

А потом, через месяц, вручали кресты,
И мне тоже «Георгий» достался,
Буду помнить навек, три последних версты,
Что спасая меня, ты промчался.

Вновь свои узорчики в небе шьют шрапнели

Вновь свои узорчики в небе шьют шрапнели,
Рваными стежочками с края да на край,
И вразброс по полюшку -серые шинели,
Медленно идут вперед, – Боже помогай!

Не свернуть им никуда: справа топь-болото,
Слева жизни не даёт вражий пулемёт,
Зубы сжав идёт вперед русская пехота,
Есть приказ занять деревню – и она займёт.

Из-за леса на рысях выезжает конница,
Сотенные на ветру полощатся значки,
То взметнувши шашки вверх, выручать торопятся
Обессилевших пехотских, терцы-казачьи.

Вот слетел один с седла, покатился кубарем,
Знать в станицу полетит «чёрное» письмо,
И со свистом-гиканьем, молодецкой удалью,
Всыпали германцу там по первое число.

Ну, а ближе к вечеру, как деревню взяли,
От пехотских приходил старый капитан,
И сказал:" Что как не вы, все б мы там лежали,
Слава терцам-удальцам, Слава казакам!»

Провели его за стол, за простой походный,
Сотник крепкого вина приказал поднести,
«Нас представили к крестам, -обмываем, родный,
Семерых к «Георгию», да к дубовым -шесть.

Из одной станицы все -возрастали вместе,
И средь этих шестерых – меньшенький мой брат,
Как мне матушке писать, что сказать невесте?
Вот остался нынче жив – сам себе не рад.»

И фуражку с головы, дрогнувшей рукою,
Потянул, враз потемнев, капитан седой:
«Милый мой братушечка -будь Христос с тобою!
Сколь живу на свете – страшно так впервой!»

А наутро полк ушёл из деревни сонной,
Как и не было их здесь, терцев-казаков,
На церковном кладбище, рядышком с часовней,
Оставались шесть дубовых свеженьких крестов...

Занималася зорька ранняя

Занималася зорька ранняя,
В улице моя хата крайняя.
Хата крайняя, в три окошечка,
Подыграй-ка, кум, на гармошечке,

На гармошечке, да на тальяночке,
Жги лезгиночку спозараночку.
Эх, бешметик мой чесучёвенький,
Я мальчишечка, как есть бедовенький,

Эх, бешметик мой позалатанный,
А я молодой, несосватанный,
Несосватанный, неповенчанный,
Пулей вражею непомянутый,

Шашкой острою нецелованный,
Батей с Матушкой небалованный.
Неболаваный, небогатенькай,
Гребенской казак неженатенькай.

У кого то жизнь – чарка полная,
А моя судьба -девка вздорная.
Девка вздорная, взбаламошная,
Хоть капризная -а всё ж хорошая.

Неприучена с детства кланяться,
На гнедом промчит – не оглянется,
Не оглянется, не воротится,
Лишь куда то, знай, всё торопится.

Я за ней вослед сломя голову,
– Счастье и беда, у нас поровну,
У нас поровну, без остаточка,
Ласточка моя, ты ж касаточка.

В Бога во Христа свято верю я,
Лишь шумит камыш, да вдоль берега,
Всё вдоль берега, вдоль пологого
Еду завтра в путь, в путь-дорогу я,

В путь-дороженьку, да в рисковую,
Да во службицу, всё царёвую,
Во царёвую, на восходике,
В Гребенской наш полк, на три годика.

Заалела вновь зорька поздняя,
Да над крепостью, всё над Грозною,
там шумит-течёт река Суньженька,
Бог тебя спасёт, ты мой друженька.

Распогодилось поутру

Распогодилось поутру,
День быть солнечным обещал,
Снилось нынче мне, что умру,
Мысли злые из сердца гнал.

Из под конских копыт несёт
По дороге густую пыль,
Да в степи ветер шалый гнёт,
Ломит в пояс седой ковыль.

Вот молитвы срок подоспел,
Миг торжественный – шапки прочь!
В Душе острым шипом засел
Сон, что снился мне в эту ночь.

Сотня с места пошла в намёт,
Ни себя, ни врага не жаль,
Песню страшную, знай, поёт,
Обагрённая кровью сталь.

До конца я дойти не смог,
Вот такие вот, брат, дела,
Что-то острое впилося в бок,
Слетел кубарем из седла.

Пред глазами вся жизнь вмиг
Протекла, как сквозь пальцы шёлк,
На руках у друзей своих
Тихо к Господу отошёл.

Жаворонок играй да пой,
Пташка звонкая, в вышине,
Не вернусь больше я домой,
Упокоюсь в чужой земле.

Время мИнет, пройдут года,
Холмик мой зарастёт травой,
Лишь ты, певчий друг, иногда,
Промелькнёшь в небе надо мной.

Эх, гармошечка, рви меха,
Жги-играй, чтоб Душа навзрыд,
Молодого про казака,
Что в погожий день был убит...

Порассеяны по-над Тереком

Порассеяны по-над Тереком
В синем небушке облака,
С невысокого правого берега
Вдруг дохнёт ветерком слегка.

Позатеряны по-за Тереком
От казачьих коней следы,
За Аргуном темны ущелия,
Знаю я, брат, и помнишь ты...

В голове моей мысли ворохом,
Будто раннею, брат, весной,
Вдруг потянет сгоревшим порохом
На тропиночке, на лесной.

Очарует красой прелестною,
Промеж гор молодой лесок,
Там блеснёт вдруг на солнце лезвием,
Острой шашки чужой клинок.

И мелодия гор печальная,
Их седая пленяет грусть,
Здесь решает всё сталь кинжальная,
Коль сошёлся с врагом грудь-в-грудь.

Разлетается пыль дорожная,
И пути конца-краю нет,
Тишина здесь всегда тревожная,
Уж четыреста с лишним лет.

Тишина – нельзя слово вымолвить,
Тот, кто здесь побывал хоть раз,
Никогда из Души не вытравит
Наш суровый, седой Кавказ...

Две души казачьи

Два шага до края твёрдо прошагать,
Нам теперь до Рая, брат, – рукой подать,
Ничего не видно – предрассветный мрак,
Помирать обидно – задарма вот так.

Помирать не страшно, правда, – вот те крест!
Жаль, что не увидать больше родных мест,
За своё мы бились, брат, – чего скрывать,
А теперь вот вышло время помирать.

За свои станицы, семьи и дома,
Долгие два года, шла эта война,
Кровушки пролилось – не Дай Бог кому,
Солнце закатилось, Белое, в Крыму.

Тю, никак станичник, – бывший фронтовик,
Вон глаза отводит, да лицо кривит,
Вишь, смолит сигарку -рученьки дрожат,
Как стрелять-то будешь в односумов, гад.

Кошкельды, болезный! Али не признал?
– Вместо Бога в сердце – интернационал.
Справит всё как надо – видно не впервой,
Выпьет потом чарку – знать за Упокой.

Ну да ладно, Бог с ним, -жить осталось чуть,
Коли чем обидел – брат, не обессудь,
Как бывало прежде -мне подставь плечо,
Я за нас Молитву, за двоих прочёл.

Подсветила небо робкая заря,
Прощевай, браточек – было всё не зря!
Кто-то крикнул хрипло: «Целься! Залпом! Пли!»
– Две Души казачьих к Богу отошли...

Я приеду домой ровно в полдень

Я приеду домой ровно в полдень,
На часах лишь двенадцать пробьёт,
И родное подворье припомнив,
Звонко конь мой заржёт у ворот.

Ты из рук уронивши вязанье,
В чём была поспешишь на порог,
После долгих трёх лет ожиданий,
Тихо скажешь мне: «Здравствуй, сынок!

Ах, какой же ты справный да ладный,
На виске только белый рубец,
Дорогой мой сынок ненаглядный!
Как гордился б, живой будь, отец!»

Нелегко тебе, вижу, родная,
Эти годы бывалось-жилось,
И продажная прядка седая,
Пролегла среди чёрных волос.

Погоди, лишь коня я пристрою:
Подустал, приглядеть бы за ним,
С братом нас провожала обоих,
Вышло так -воротился один.

Помню, в мартовский день окаянный,
Когда с крыш во всю льётся капель,
Над братишкиным резвым буланым
В аккурат, разорвалась шрапнель.

Он не мучался, брат мой ФедЮшка,
Был он сразу сражён наповал,
Упокой Господь светлую Душу,
За Отечество жизнь он отдал.

Знаю, Батя не вынес утраты,
Не сумел эту боль пережить,
А всего то – шестой лишь десяток...
На станичном погосте лежит.

Мы их нынче обоих помянем,
И обнявшись, с тобой посидим,
Не кручинься, прошу тебя, мама,
Я пришёл – беды все позади.

Ты родню позови к нам под вечер,
Всё одно захотят повидать,
Понарядней накинь шаль на плечи,
Не к лицу казакам горевать!

Я приеду домой ровно в полдень,
На часах лишь двенадцать пробьёт,
И родное подворье припомнив,
Звонко конь мой заржёт у ворот...

Билась заря по-над речкою быстрой

Билась заря по-над речкою быстрой,
В тёплых объятьях она октября,
Звон колокольный стоял над станицей,
Воздух пьянил и тревожил меня.

Господи, сколько же дома я не был,
Года четыре, а может быть пять,
Какое ж на Родине синее небо!
Другого такого нигде не сыскать.

Конь подуставший повёл ухом нервно,
Радостно, громко, ликуя заржал,
Надо ж, Гнедок, он товарищ мой верный,
Степи родные, бродяга, признал.

На самый Покров угадал я с приездом,
Нынче в станице гуляет народ,
Шумный, весёлый, – печаль неуместна,
Свадьбы играет, да песни поёт.

Вот и мой двор, он от церкви четвёртый,
Глянь как подрос у плетня краснотал,
Помню – его пятилетним мальчонкой
С Батей вместях я весною сажал.

Как без меня вы тут жили-бывали,
Мои ненаглядные мать и отец?
Дай обниму вас – Здорово дневали,
Я воротился домой наконец.

Сядем за стол, тонко звякнут медали
Отцовских четыре, моих два креста,
И выпьем за то, что любили и ждали,
Бывайте здоровы за ради Христа!

Выйду во двор я поближе под вечер,
Кинется в ноги наш пёс пожилой,
Мать подойдёт и обнимет за плечи,
Всё позади – я приехал домой.

Разливалась реченька

Разливалась реченька, разливалась,
Она беспокойная да весною,
И луга прибрежные омывала,
Она вольною своею волною.

Восходило солнышко, воссияло,
Из-за леса дальнего рано утром,
Светом розовым озаряло
Речку, степь, родимый мой хутор.

Пробивалась травушка, пробивалась,
Стебельки зелёные вверх тянула,
Быть поближе к солнцу старалась,
Сколько лет с поры той минуло.

Уезжали казаки, собирались,
На войну с Германцем проклятым,
Наказал отец прощеваясь:
«Мамку слушайте, казачата!»

А ребята всё молодые,
Зубоскалят -озорничают,
Коники под ними гнедые,
За околицу выезжают.

Вот один из них обернулся,
На прощанье шапкою машет.
«Помолитесь, чтоб я вернулся,
Не кручиньтесь Батя с Мамашей!»

А другой, гляди, завёл песню,
Голос сильный, молодой, звонкий.
Мамка вслед отца тайком крестит,
Избай Бог, чтоб не пришла похоронка.

...За порогом вновь весна бродит где-то,
За три года вырос я, подтянулся,
За весной настанет жаркое лето,
Только Батя с той войны не вернулся...

Жаворонок

В небе синем, в облаках жаворонок вьётся,
Не с руки мне помирать, – да видать придётся.
Напоролись на врага нынче утром рано,
И теперь лежу в степи, да под сердцем рана.

Не вздохнуть-не продохнуть, душу рвёт на части,
Где-то дальше бой идёт, дай Бог, братцы счастья,
Дай Бог всем, чтоб как один, вы назад вернулись,
Я ж помочь вам не смогу – вон как обернулось,

Жаворонок, заиграй на прощанье песню,
Что под вишенкой в саду я играл невесте,
Пока силы не ушли, подтяну чуть слышно,
Черноглазая не жди – видишь всё как вышло.

И не думал-не гадал, пуля всё решила,
Буду помнить уходя, как меня любила,
Пред глазами в один миг жизнь в намёт промчалась,
И у матушки моёй дома сердце сжалось.

Жизнь по капельке моя с кровушкой уходит,
Не увижу больше я, как заря восходит,
Поквитаться за меня вы пообещайте,
Жаворонок доиграл... всё, братья, -прощайте...

Разлетались вóроны

Разлетались вóроны на четыре стóроны,
Да кричали громко всё – знать, браты, сполóх,
Выезжали коники, сёдланы, подкованы,
Да во чисту полюшку – помогай нам Бог.

Заблестали шашечки, лёгкие да вострые,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.